

АЭРОПОРТ ФРЕДЕРИКТОН ИЛИ ПОПЫТКА ВЗЛЁТА.

Вообще-то говоря, Фредериктон появился позже. А сперва был Галифакс, из которого авиакомпания обещала прямым рейсом доставить нас в Форт-Лаудердэйл, который находится, как известно, в тёплой и благодатной Флориде. Однако это было бы слишком удобно, чтобы в такой сложный високосный год быть правдой. Поэтому, когда West Jet за месяц до вылета оповестил нас об отмене рейса из Галифакса, мы с женой понимающе переглянулись, довольные подтверждением своей интуиции, и убедившись, что авиакомпания обещает через пару недель вернуть деньги, срочно переключились на более надёжную Эйр-Канаду.

Эйр-Канада предложила перелёт в Форт из более нам удобного Сент-Джона, но уже не прямым рейсом, а кривым через Монреаль. За отсутствием каких-либо вообще прямых рейсов во Флориду из нашей провинции, мы были вынуждены согласиться и на такой вариант.

За пару недель до Нового года, Эйр-Канада прислала любезное уведомление, в котором оповещала, что обратный рейс из Форта в Сент-Джон, они вынуждены отменить из-за закрытия после Нового года Аэропорта Сент-Джон, в связи с возникшей при пандемии его нерентабельности. Вот так в наших планах и появился аэропорт Фредериктон. Это было менее удобно по расстоянию (160 км от дома), но за не имением альтернативы, пришлось согласиться.

Так как вылет был запланирован на шесть тридцать утра, то выехать нам пришлось глубокой ночью. Прибыв в аэропорт, ко времени объявленной регистрации, мы сразу заподозрили неладное. Здание аэропорта тонуло в темноте. Действительно, как поведал выплывший из темноты секьюрити в маске, аэропорт не работал, из-за отсутствия электричества. Несколько неясных силуэтов слонялись в потёмках по аэровокзалу в поисках скамеек. И только блестящие белизной туалеты были великолепно освещены с помощью вспомогательного генератора.

Вскоре к немногочисленным пассажирам вышел смущённый мужчина, в качестве руководителя служб аэропорта, который объяснил, что причина аварии никому не понятна (а ведь, наверняка где-то просто выбило предохранитель), и что он уже сообщил в городскую электрическую компанию о возникших неполадках. Однако в связи с рождественскими каникулами, электрический диспетчер пока не организовал выезд дежурной бригады, поскольку ночью не смог разыскать никого из специалистов. Руководитель аэропорта предложил всем нам наполниться терпением и вместе с ним надеяться на успешный поиск электрика, который, по его мнению, рано или поздно обязательно должен где-нибудь обнаружиться. А самолет до Монреаля, порадовал он пассажиров, уже давно готов к вылету, и можно сказать, с нетерпением стучит шасси о взлётную полосу.

Мы погрузились в томительное ожидание, с надеждой встречая каждый подъезжающий к аэропорту автомобиль, рассчитывая на то, что это, наконец, прибыла аварийная служба.

Тем временем, наш стыковочный борт из Монреаля улетел без нас, а Эйр-Канада, извинившись за недоразумение, произошедшее не по её вине, эффективно пересадила нас на завтрашний девятичасовой рейс, благородно сохранив за нами забронированные и оплаченные места. Ещё через час снова появился начальник аэропорта и с удовлетворением сообщил, что электрики нашлись. Правда, в связи с праздниками, они не столь мобильны, как нам хотелось бы, и прибудут в аэропорт только после обеда, из-за чего рейс наш откладывается до семи часов вечера.

Рассудив здраво, что плохая определенность всё же лучше хорошей неопределённости, мы решили вернуться домой, чтобы поспать хотя бы пару часов и перекусить, а потом вернуться обратно.

К шести вечера выспавшиеся и полные оптимизма мы снова прибыли в аэропорт города Фредериктон. Паркуя авто, мы с удовольствием отметили хорошую работу электриков. Аэропорт сиял яркими огнями, напоминая неказистую, но вполне прилично украшенную рождественскую ёлку.

Настроение было приподнятым. Регистрация на борт прошла в бодром предновогоднем темпе. Служащие были, как всегда, предупредительны, вежливы и хохмили по поводу ночного происшествия. Вскоре наш пассажирский коллектив собрался в зале вылета, прислушиваясь к голосу стюардессы, которая вот-вот должна была объявить посадку. Но... время шло, а нас никто не приглашал. Минуту семь часов вечера, наступило восемь.

Какая-то суэта возникла за стойкой, у которой предполагалась посадка. В зал вышла рослая по-канадски румяная рыжеволосая стюардесса, которая весело поведала нам о том, что рейс задерживается, из-за того, что в самолете обнаружилась нехватка кислорода. Того самого, который накачивает сброшенные с потолка маски индивидуального дыхания при разгерметизации салона. Все дружно рассмеялись. После ночной темноты это небольшое недоразумение не выглядело слишком драматично. Тем более, что румяная сотрудница сообщила, что сборная города по кёрлингу, капитаном которой она является, завтра играет ответственный матч, а кислород нам всё равно скоро доставят со склада. После чего она предложила пассажирам с пользой для себя провести появившееся у нас свободное время.

Нервничала, пожалуй, только одна невезучая супружеская пара, у которых улетал стыковочный рейс в Барселону. Даже удивительно, как такой пустяк иногда способен испортить характеры людей.

Через какой-то час ожидания ещё один пассажир также был вынужден покинуть наше общество, поскольку его рейс в Париж улетал уже без него. А тем временем, румяная кёрлингистка продолжала нас развлекать. Выйдя в очередной раз к ожидающей её с нетерпением публике, она весело рассказала, что сегодня самолёт, по-видимому, не полетит вовсе, так как доставленный только что кислород некому заправить. В аэропорту не оказалось боееспособного механика, который имел бы право совершить эту непростую технологическую операцию. Что произошло с несчастным штатным инженером, стюардесса из вежливости нам не сообщила, но, судя по её решительному тону, это был единственный механик во всём Фредериктоне, который имел доступ к кислородным резервуарам самолётов.

Кому-то это, возможно, покажется смешным, но для канадцев, которые со школьных пелёнок знают, как трудно получить инженерную лицензию в нашей стране, дефицит допущенных до столь ответственного дела специалистов вовсе не выглядит чем-то удивительным. Нам же, славянам, конечно, сразу вспомнился столь важный элемент отечественного сервиса, как «дядя Вася», который всегда и всюду готов заменить на посту любого квалифицированного инженера, а при необходимости и академика. Но... мы были в Канаде, где дядя Вася, как вид, вымер ещё лет сто назад на самой заре эры пассажирской авиации.

Рейс был аннулирован, экипаж строем покинул самолёт и, весело перешучиваясь, удалился в сторону гостиницы. А наша несколько обескураженная тусовка покинула зал вылета, переместившись обратно к стойке регистрации, в надежде хотя бы перерегистрироваться на завтрашний утренний рейс до Монреаля.

Еще три человека дезертировали из нашего коллектива, доложив, что они вынуждены отказаться от поездки в Сидней и Дубаи. Но в большинстве своём пассажиры демонстрировали высокий уровень жизнестойкости и оптимизма. Маргарита незамедлительно погрузилась в интернет в поисках приличного городского отеля для ночевки. Забронированный ей час назад отель в Монреале, безнадёжно пропал.

И в тот самый момент, когда ещё два пассажира стали проявлять неоправданную нервозность, сотрудник Эйр-Канады на стойке регистрации радостно объявил, что борт наш всё же полетит, хотя и с небольшим опозданием. А именно его вылет состоится в одиннадцать вечера, поскольку специалист по кислородной заправке уже находится в пути и ожидается в аэропорту примерно через час. Вы удивитесь, но специалист летел к нам из Монреаля на встречном рейсе и даже уже, по словам сотрудника авиакомпании, был в воздухе.

Ну, а чтобы мы не волновались, добавил сотрудник, и не подумали чего плохого, то в качестве гарантии произведённой им работы, этот инженер обратно в Монреаль полетит вместе с нами тем же отремонтированным им собственноручно бортом. Успешная страна Канада, подумалось мне. Вот если бы, скажем, тот же Rogozin лично сопровождал все не взлетевшие или уроненные им ракеты, это какая же высокая надёжность была бы в наших российских воздушно-космических силах.

Короче говоря, мы повторно прошли процедуру регистрации и досмотра багажа. Это было не сложно. Сотрудники аэропорта сочувствовали нам, подмигивая, как старым знакомым, и всячески стремились сделать наше пребывание в зоне их ответственности лёгким и приятным. Чувствуя общую поддержку коллектива аэропорта, мы старались не подвести их, и без промедления вернулись в зал вылета, где стали ожидать обещанного на одиннадцать часов вечера вылета. Где-то в это время мы познакомились с Адамом и Джилл - замечательной неунывающей парой из Сент-Джорджа, намеревающейся провести новогоднюю неделю на каком-то богом забытом острове Понпеи во Французской Микронезии. Их рейс до Папэте из Монреаля через Ванкувер был завтра днём, и они совершенно не беспокоились по этому поводу.

Около десяти у стойки вновь появилась рыжеволосая стюардесса. На этот раз улыбка растягивала её рот до ушей.

- Дорогие друзья, - обратилась она к нашей сплочённой невзгодами компании, - в то, что сейчас я вам скажу вы не поверите, на столько это смешно.

И, не в силах сказать больше ни слова, она просто покатила со смеху. Пассажиры ответили ей встречными дружелюбными улыбками. Несколько наиболее впечатлительных дам также принялись нервно смеяться. И они не ошиблись, ибо то, что мы услышали было действительно довольно неожиданно.

- Вы можете расслабиться, друзья, - сказала наконец посерьёзневшая стюардесса, - сегодня мы не полетим вовсе, наш рейс откладывается до завтра.

Все, естественно, дружно заржали. Но потом одна сентиментальная старушка поинтересовалась, что же могло случиться с тем самолётом, на котором к нам летел спасительный механик. Однако, выяснилось, что дело вовсе не в механике. Он, судя по всему, уже подлетал к Фредериктону. Дело на этот раз было в экипаже.

Узнав, что из-за отсутствия механика рейс отменяется, экипаж отправился в отель. Но прежде, чем до него добраться, пилоты вполне закономерно решили немного расслабиться и завернули в местный бар, славящийся приятным разнообразием своего ассортимента. В конце концов в эти рождественские дни даже лётчики имеют право на отдых и какие-то поблажки. К тому времени, когда их разыскали с известием о вылетевшем на помощь механике, экипаж уже успел несколько нагрузиться не большим, но достаточным количеством виски, что делало невозможным для них управление нашим летательным средством в ближайшие несколько часов. Впрочем, я уверен, что бедолаги были бы рады лететь, и скорее всего сделали бы это даже лучше и быстрее, чем находясь в трезвом состоянии. Но строгие канадские правила регламентации допуска пилотов не позволяли доверить им штурвал воздушного лайнера.

Привычным маршем мы вновь покинули зал посадки и перешли в зал регистрации, чтобы переоформить билеты на утро. Рейс был аннулирован и начался возврат багажа. Сразу скажу, что не все канадцы отличаются таким волевым и негибким характером, как памятные нам Боби Халл или Уэйн Грецки, чья винодельня, к слову, сегодня является одной из жемчужин ниагарского кластера производителей канадского айсвайна. Еще два молодых человека заявили, что не видят ничего смешного в происходящем только потому, что безнадежно опаздывают на свои рейсы в Европу. Они покинули аэровокзал с угрюмыми лицами под осуждающие взгляды оставшихся пассажиров. Сентиментальная старушка трезво рассудила, что с таким негативным темпераментом в Европе им делать всё равно нечего. А Джилл глубокомысленно заметила, что сошедшие с рейса, наверняка были франкофонами, известными своей неуравновешенностью и умением создать скандал на пустом месте, в отличие, конечно же, от истинных шотландцев и англичан. Это предположение вызвало общее согласие.

Правда ещё через полчаса, получив смс-ку от авиакомпании, Адам и Джилл были вынуждены также распрощаться с нами. Оказалось, что следующий их рейс на финальном сегменте от Папезте до Понпеи летит только через неделю.

Джилл сказала, что из солидарности она обязательно полетела бы с нами, хотя бы до Монреаля, если бы не оставленная под надзор соседки пожилая кошка редкой породы сфинкс, которую ей не хотелось бы огорчать долгой разлукой.

Адам забрал три огромного размера чемодана, и под наши ободряющие слова прощания, эта самоотверженная канадо-саксонская пара удалилась из аэропорта вслед за нервными французами.

Процесс новой регистрации был прерван через полтайма, когда телефонный звонок вновь изменил ситуацию в нашу пользу. Наш вылет все больше напоминал хоккейную баталию между равносильными командами. В этой игре, правда, мы были не участниками, а скорее, рождественской шайбой, которую обстоятельства безжалостно колотили то в одни, то в другие ворота.

Почтительно выслушав начальника, сотрудник Эйр-Канады в очередной раз одарил нас лучезарной улыбкой и с удовольствием разорвал только что выданные на завтра посадочные талоны.

- Друзья, - сказал он самым проникновенным голосом, на который только способен ночной авиационный оператор, - всё-таки ваше терпение и благородное поведение вознаграждено, НА ВЕРХУ решено, что вы полетите сегодня. И полетите на том самолёте и с тем экипажем, который только что привёз к нам механика. Правда, произойдёт это не раньше, чем механик сделает свою работу, - несколько остудил он общее возбуждение.

Механик со своим делом справился вполне оперативно, как и подобает канадскому лицензированному инженеру.

В последующие двадцать минут регистратор заново распечатал нам новые посадочные талоны на ожидающий нас рейс. После чего мы в очередной раз сдали багаж и ручейком вновь устремились на посадку.

И вот здесь на посадке, мы получили прощальный дружеский пинок от аэропорта Фридериктон. Взглянув на наши посадочные талоны, сотрудник секьюрити на индивидуальном контроле безапелляционно заявил, что несмотря на наше неуловимое физиогномическое с женой сходство, он не может пропустить нас на борт по талонам выданным на одно имя.

Действительно, мы тут же убедились, что оба талона выписаны на моё имя. Я уверен, что если бы не моя борода, которую он умудрился как-то разглядеть под маской, мы легко миновали бы его дотошный контроль.

Маргарита побежала на регистрацию, в надежде застать на месте выдавшего талоны оператора, а я остался ждать её в зале посадки, раздумывая над превратностями этого странного уходящего года.

И в это время свет дважды мигнул, компьютеры испустили тоненький писк, словно их лишили кислорода. И зал погрузился в темноту.

Ю. О.
31.12.2020